

Julia A. Krivoshchapova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Stone Names: A Linguocultural Symbol of the Urals

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 3, pp. 241–262

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042

Language of the article: Russian

Кривошапова Юлия Александровна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Имена камней как лингвокультурный символ Урала

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 241–262

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042
УДК 811.161.1'373.22:553.8 + 81'33 +
+ 81'373.46 + 913(470.5)

Ю. А. Кривошапова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ИМЕНА КАМНЕЙ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ УРАЛА*

Статья посвящена названиям поделочных камней, которые рассмотрены с позиции лингвокультурного брендинга Уральского региона. К анализу привлекается минералогическая лексика, функционирующая вне официальной номенклатуры, — по большей части это геммонимы, имеющие в своем составе оттопонимические прилагательные (*гумёшевский малахит, уразовская яшма, седельниковский орлец*). Кроме того, рассматриваются аксиологические контексты, в которых встречаются подобные конструкции. Внимание автора сосредоточено на трех наиболее узнаваемых уральских поделочных камнях — это малахит, родонит (*орлец*) и яшма. Оказывается, что лингвокультурные символы (региональные микробренды), стоящие за этими минералами, географически распределены по территории Урала. Так, за Екатеринбургом в большей степени «закреплен» *уральский родонит*, а за Нижним Тагилом — *тагильский малахит*. Яшма ввиду широкого географического распространения не имеет «точной» привязки, но тем не менее «отвечает» за локальные южноуральские бренды: например, считается, что *орская яшма* (< *Орск*) является брендом Оренбургской области. В особую группу выделены имена камней с компонентом *уральский*, выступающие, по мнению автора, в качестве устойчивого культурного макробренда. Это прежде всего *уральские самоцветы*, ставшее именем собственным («*Уральские самоцветы*» — гранильная фабрика в Екатеринбурге), а также *уральские камни*, зафиксированное в словарях литературного языка. Особое место среди *уральских* геммонимов занимают коммерческие названия, возникшие в результате

---

* Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Министерством науки и высшего образования России (номер темы FEUZ-2020-0056).

искусственной номинации и присвоенные камню с целью его более выгодной продажи (*уральский изумруд* ‘торговое обозначение демантоида’). Отмечается, что такие названия камней прагматически ориентированы на заграничного покупателя, для которого *уральский камень* связан прежде всего с русской торговой маркой и служит гарантом качества. Вместе с тем атрибутив *уральский* может иронически указывать на то, что камень лишь напоминает похожий более дорогой минерал, но на самом деле таковым не является, ср. *уральский алмаз* ‘фенакит’.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал, региональный бренд, лингвокультурный символ, гем-нимимы, дериваты топонимов, мотивационный анализ, семантическая модель.

Представления об Урале¹ у носителя русской культурно-языковой традиции неразрывно связаны с горнозаводским делом, что имеет самое очевидное объяснение: основной частью региона (и в физико-географическом, и в социально-экономическом смысле) является горная цепь Уральские горы, которая условно разграничивает Европу и Азию. Одна из старейших горных систем, она фигурировала уже в античных источниках под именами *Рифей* и *Рифейские горы*. Русские до XVIII в. называли Уральские горы *Поясовым*, *Сибирским*, *Большим Камнем* или же *Земным Поясом*. В «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова (1701 г.) хребет обозначен как *Камен Урал* [Матвеев, 1990, 10; Трепавлов, 2011, 38].

В допетровскую эпоху об Урале знали преимущественно то, что хребет его тянется от Ледовитого океана до южных степей и что его недра богаты полезными ископаемыми. В начале XVIII в. на Урале разворачивается разведка рудных месторождений и строительство горных заводов, благодаря чему регион (а вместе с ним и новая промышленная столица — Екатеринбург) обзаводится репутацией металлургического центра страны с сырьем отличного качества. Так железо становится устойчивым атрибутом региона².

Вместе с добычей медной руды на Урале ведется поиск драгоценных камней и золота, и постепенно регион и город Екатеринбург начинают считать чем-то вроде «сибирского Эльдорадо» (Сибирь и Урал нередко смешивались в наивном сознании). В книге крепостного служащего Верх-Исетского завода А. Лоцманова «Негр, или Возвращенная свобода» (1803 г.), которую анализирует в своей кандидатской диссертации Ю. В. Клочкова, Екатеринбург аллегорически представлен как страна Бразилия, где невольники добывают алмазы на приисках, при этом «выделяются две важнейших составляющих образа города — каменное

¹ Урал мы понимаем как географическую территорию, которая формируется Восточно-Европейской (Предуралье) и Западно-Сибирской (Зауралье) равнинами и разделяющими их горами Уральского горного массива.

² «Еще одной стереотипной чертой Урала наряду с его славой металлургической базы империи», как пишет В. В. Трепавлов, оказывается «беспросветная нужда рабочего люда» [Трепавлов, 2011, 40], страдающего в царстве рудников и копей. Каторжные условия работы и самоуправство заводчиков и золотопромышленников подробно описываются в произведениях уральской литературы, в частности в «Уральских рассказах» и «Приваловских миллионах» Д. Н. Мамина-Сибиряка.

богатство и каторга заводов, рабочие которых были приписаны к ним навечно» [Клочкова, 2006, 9].

История уральских самоцветов³ начинается с находки плавильщика Дмитрия Тумашева, который «отыскал цветное камень» на р. Нейва в 1668 г., о чем незамедлительно сообщил царю Алексею Михайловичу [Емлин, 2004, 58]. Далее, в первой половине XVIII в., происходит становление государственной монополии на уральский камень и развивается государственная система поиска и добычи самоцветов. В 1751 г. пущена в ход Императорская Екатеринбургская гранильная фабрика. В 1917 г. она была переименована в «Русские самоцветы», а в 1977 г. преобразована в производственное объединение «Уральские самоцветы»⁴.

Смотря на Екатеринбург глазами путешественника XIX в., мы тоже не обойдем стороной каменную тему. Ю. В. Клочкова приводит «посетил-фрагмент» (эпизод, описывающий посещение экскурсионных мест города) из записок дипломата и мемуариста Ф. Ф. Вигеля (1806 г.): «Осматривали все примечательное, видели, как промывают золото <...> заходили в мастерские, где для петербургских дворцов отделяются огромной величины и превосходной работы малахитовые, порфиновые, яшмовые разных цветов вазы» [Клочкова, 2006, 12].

В фельетонах екатеринбургского журналиста 1910-х гг. В. П. Чекина Екатеринбург — это «царство руд и сапфиров», «чудовищных золотых самородков», сказочного богатства земных недр. Устойчивые представления о городе, «стоящем на камне и железе», отражаются в именах его героев (ср. *Кирпич Гранитович Чугунов*). В соответствии с законами жанра городской миф получает ироническое переосмысление, доводится до абсурда. Драгоценные камни, золотые слитки, полезные ископаемые валяются здесь под ногами: «Свинья топаз тут выкопала рядом: / Прозрачен, как слеза, чудовищный размер»; «Близ первой части городской // Рубинов залежь под тюрьмой... / Вблизи больничного забора / Валялся крупный изумруд» («Радужный сон лорд-мэра») [цит. по: Клочкова, 2006, 17].

---

³ В широкий обиход слово *самоцвет* вошло после издания книги М. И. Пыляева «Драгоценные камни» (1888 г.). Автор пишет, что «этим именем в старину в России называли алмаз по свойству его светиться в темноте после нагревания на солнце или перед огнем» и отмечает, что «под именем самоцвета на языке екатеринбургских промышленников известен лучший малиновый шерл» (т. е. турмалин) [Пыляев, 1990, 346]. Термин не является строгим. Его значение в терминологическом смысле было уточнено академиком А. Е. Ферсманом. Согласно его классификации, самоцветами являются прозрачные камни, независимо от отнесения их к категориям драгоценных или поделочных; непрозрачные же минералы и породы относятся к «цветным камням» [Ферсман, 1954, 19]. Словари литературного языка определяют *самоцвет* как «самоцветный камень, имеющий природную окраску, прозрачность и блеск» [БАС, 13, 151]. В разговорной речи *самоцветами* могут называть драгоценные или полудрагоценные камни, которые подвергаются огранке.

⁴ В 1930-е гг. существовала Свердловская гранильная фабрика, которая после распада СССР вновь трансформировалась в ОАО «Русские самоцветы» и в 2003 г. прекратила свое существование. В настоящее время восстановлено ООО «Завод “Русские самоцветы”».

Создавая иронический портрет екатеринбургского обывателя, В. П. Чекин также обращается к образам камня и уральской природы:

Люди, населяющие Екатеринбург, по преданию, произошли из камней, набросанных на берегах соседнего Шарташского озера. Они крепки, упорны и грубы, как старые, проросшие лишаями уральские камни <...> Речь населения напоминает сталкивающиеся круглые булыжники, остроумие — осколки вековых сосновых пней, глубокомыслие — то запутанные тропинки бесконечных лесов, то старые заброшенные шахты, вырытые мозолистыми руками безграмотных старателей [цит. по: Клочкова, 2006, 17].

Таким образом, постепенно за Уралом закрепляется слава родины русского каменного дела. Поделочные и драгоценные камни наряду с железом начинают осмысляться не только как важнейшая экономическая составляющая региона, но и как часть регионального культурного бренда. Разумеется, словосочетание *уральские самоцветы*⁵ (и само по себе, и как основа для образования различных наименований) становится устойчивым⁶, узнаваемым и приобретает некоторые коннотации (высокого качества, несомненной «природности» и др.)⁷.

Сказанное позволяет думать о том, что это сочетание и ему подобные может быть использовано при формировании культурного капитала территорий как один из лингвистических маркеров, т. е. в целях регионального брендинга (создания или воссоздания коммерчески привлекательного образа какого-либо региона с опорой на культурный бэкграунд). В настоящее время такой брендинг набирает обороты и кажется чрезвычайно актуальным в контексте экономического и туристического продвижения регионов РФ. В лингвистической литературе уже не раз высказывалась мысль о том, что имена собственные (например, наименования золотых приисков Урала) могут быть рассмотрены как знаки, несущие культурные смыслы и актуализирующие ценностные представления о том или ином локусе. Как пишет М. В. Голомидова, «обладая устойчивыми ассоциациями с определенными историческими событиями и социальными процессами, подобные знаки могут составлять важную часть культурного ландшафта и формировать образ территории» [Голомидова, 2015, 101]. Торговые названия драгоценных камней с точки зрения брендинга проанализированы в статье М. Н. Николашвили [2019].

---

⁵ «Когда говорят о русских драгоценных камнях, то обычно первыми вспоминаются уральские самоцветы. Эта ассоциация навеяна в наше время сказами Бажова, воспевшего камень в чудесных новеллах. Действительно, более полутора столетия Урал был поставщиком разнообразных драгоценных и цветных камней, слава о которых распространилась широко за пределами России» (М. Дорфман. Уральские самоцветы) [НКРЯ].

⁶ Это словосочетание встречается в составе устойчивого сравнения: «Но глаза, даже в полутьме сеней, можно отлично узнать. Правый в зеленых искорках, как уральский самоцвет, а левый темный...» (М. Булгаков. Белая гвардия) [НКРЯ].

⁷ А. Е. Ферсман пишет, что «название *уральские камни*, или *уральские самоцветы*, сделалось почти нарицательным» [Ферсман, 1954, 27].

Основная цель статьи — реконструкция «каменного» лингвокультурного бренда как одной из форм репрезентации Уральского региона. Поставленная цель требует прежде всего понимания, какого рода лингвистический материал «выводит» на региональные каменные символы.

Очевидно, что в первую очередь нас будет интересовать минералогическая лексика, а именно обозначения камней и минералов и их дериваты. В основном будут рассматриваться названия камней (геммонимы), которые функционируют вне официальной номенклатуры, в частности торговые названия, которые даются камню с целью его выгодной продажи (например, *уральский изумруд* ‘гранат’).

Решено ограничить материал статьи самыми показательными для раскрытия темы геммонимами, которые представляют собой устойчивые словосочетания с оттопонимическим прилагательным⁸, указывающим на географическое (уральское) происхождение камня, ср. *уральский агат*, *тагильский малахит* и др. Большинство подобных обозначений следует отнести к «нестандартной лексике камня», под которой понимаются «названия минералов, минералоидов, горных пород (т. е. всего того, что наивное сознание категоризирует как “камень”», не относящиеся к официальной (научной) минералогической и геологической номенклатуре, которая, как правило, закреплена в международной практике и в кодифицирующих документах» [Березович, 2020, в печати]. В качестве дополнительного материала будут привлекаться также петронимы (под этим термином мы понимаем не вид оронима, а коммерческое имя собственное для обозначения отдельных драгоценных камней, например *Урал* ‘название топаза’).

Вполне очевидно, что далеко не все образования, реализующие формулу «оттопонимическое прилагательное + название камня», являются частью культурного бренда⁹, так как они могут указывать только на место добычи камня и не иметь никаких дополнительных смысловых напластований. В подобных геммонимах в качестве производящей основы для оттопонимического прилагательного используется географическое название, обозначающее ближайший к месту добычи (копи) населенный пункт, ср. *мулдакаевская яшма* (< д. *Мулдакай*, Учалинский р-н, Республика Башкортостан), реже — гидроним, ср. *аушкульская яшма* (< оз. *Ауш-Куль*, Учалинский р-н, Республика Башкортостан), *уйская яшма* (< р. *Уй*, с. Тунгатарово, Республика Башкортостан). Чтобы выявить коннотативные сочетания, следует опираться на параметры устойчивости, частотности, а также образной и смысловой «достаточности» наименований: за ними часто стоит конкретный образ, не требующий пояснения. Например, уже приводившееся нами словосочетание *уральские самоцветы* частотно, устойчиво (по сравнению, например,

⁸ А. А. Бурькин в статье «*Курский соловей, арзамасские гуси, тамбовский волк* (к истории региолектных идентифицирующих символов и идиоматики)» [Бурькин, 2016] также анализирует подобные словосочетания с топонимическим компонентом, которые постепенно идиоматизируются и претендуют на роль культурных символов и региональных брендов.

⁹ Подробнее о критериях «брендовости» см. [Березович, Кабакова, 2015].

с *цейлонскими самоцветами*), и за ним закреплено представление не только о географии самоцветных камней, но и об их привлекательности и историко-культурной значимости, ср. аналогичные *вологодское масло*, *московская водка*, *китайский шелк* и пр.

Важным кажется и обращение к контекстам, в которых подобные атрибутивные словосочетания представлены в сильных позициях.

Это, во-первых, аксиологические ряд-контексты, чаще всего содержащие перечень узнаваемых брендов. Приведем контекст из текста Р. Карцева: «А Палех! А уральские самоцветы! А Норильский никелевый! Ленинградские грибы!» [НКРЯ]. Контексты такого типа показывают, что среди оттопонимических названий камней носитель языка интуитивно выбирает те сочетания, которые кажутся ему наиболее частотными и лексикализованными: «А некоторые из уральских самоцветов, получив мировую славу, вошли в историю камня с собственными именами: уральские изумруды, мурзинские аметисты, орская яшма, тагильский малахит, седельниковский орлец, шайтанский переливт» [Буканов, 2012].

Во-вторых, привлекаются контексты, содержащие оценочные маркеры: наречие *чисто*; прилагательные *настоящий*, *истинный*, *знаменитый* и пр.: «На Урале *знаменитая* уразовская яшма, или мясной агат, впервые найдена в 1751 г. в районе оз. Чебаркуль» [Буканов, 2008, 324].

Рассматриваемые атрибутивные конструкции далеко не всегда фиксируются словарями (в том числе фразеологическими), поэтому мы широко используем для извлечения и верификации материала «Национальный корпус русского языка» [НКРЯ]. Активно привлекаются геологические и краеведческие работы, данные форумов «Хита¹⁰ Урала» [Хит. Ур.] и «Минералогический форум» [<https://mineralforum.ru>], а также неопубликованный полевой материал, полученный сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета в беседах с информантами (горщиками, камнерезами, коллекционерами камня и др.) и включенный в картотеку [ЛТЭК].

Уральский камень

Кажется логичным в первую очередь обратиться к данным, выводящим на региональный макробренд, характеризующий Урал как «каменный» регион в целом. Исходя из этого, сначала представим названия камней, имеющие в своем составе топоним *Урал* и прилагательное *уральский*. Начнем с петронимов. Так, имя *Урал* носит голубой топаз, весящий 8,4 кг и найденный на Среднем Урале в жиле Мокруша в 1985 г. На знаменитом Малышевском месторождении

¹⁰ *Хитой*, или *хитниками*, называют себя современные горщики «вне закона», ср. устар. *хитничать* ‘заниматься старательством без лицензии’ [СРГСУ, 6, 148].

в 1978 г. нашли кристалл изумруда массой 674 г, названный *Славный уральский*. В Алмазном фонде Московского Кремля экспонируется найденный на Исовском месторождении самородок платины, который был назван *Уральским Великаном* за свой вес — почти 8 кг¹¹.

Далее обратимся к атрибутивным словосочетаниям, содержащим прилагательное *уральский*. Следует считать устойчивым не только словосочетание *уральские самоцветы* (см. выше), но и синонимичное *уральские камни* ‘самоцветы и цветные камни (малахит, яшма и т. д.), добываемые на Урале’ [БАС, 16, 811–812]. Приведем аксиологический ряд-контекст: «У чиновников и курьеров на руках меха соболей, горностаев и черно-бурых лисиц, московская парча, *уральские камни*, донские вина, цибик чаю, золотой самовар, коробка с тульскими и вяземскими пряниками» (Б. Садовский. Амалия) [НКРЯ]. Можно увидеть, что оттопонимическое прилагательное выполняет здесь функцию не только географической, но и оценочной характеристики реалии: под *уральскими* понимаются «статусные» драгоценные камни (подробнее об этом см. далее).

Некоторые камни, добытые на Урале, определяются как *русские* (*русский камень* ‘малахит’), *сибирские* (*сибирская яшма*) или *скифские* (*скифский изумруд*) [Буканов, 2012]; встречается в торговых названиях отдельных минералов и прилагательное *уральский*, например *уральский агат* ‘торговое название переливта’ [Буканов, 2008, 121], *уральский изумруд* ‘торговое обозначение демантоида’ [Буканов, 2012]. Довольно часто атрибутивы *русский*, *сибирский*¹² и *уральский* оказываются синонимичными (т. е. выступают как номинативные дублеты), ср. геммонимы *хризолит русский* (он же *сибирский*), *гранат уральский* (он же *сибирский*), *изумруд сибирский* (он же *русский* и *уральский*) [Там же]. Отметим, что яшму, добываемую на Южном Урале и на Алтае, также принято называть *русской* [Николашвили, 2015, 29], ср. *яшма русская* ‘красная пятнистая яшма’ [Куликов, 1982, 139].

Такие названия, безусловно, являются коммерческими и рассчитаны на зарубежных покупателей, которым важно понимать, что товар из России, при этом более точная «география» камня и отличие Урала от Сибири или Алтая для них не особенно актуальны, а район добычи прежде всего связан с качеством камня. М. Н. Николашвили, анализируя торговые названия ювелирных камней с позиций брендинга, также отмечает, что «маркетинговый подход при назывании ювелирных камней опирается <в том числе и> на географию» [Николашвили, 2019, 188]. При этом определения *уральский*, *сибирский* и *русский* «иногда подчеркивают исключительное качество камня в сравнении с камнями, добытыми на других

¹¹ Ср. *Калканский великан* ‘большой самородок золота, найденный в окрестностях горы Калкан на Южном Урале’ [Малахов, 1987, 233].

¹² Подробнее о семантике прилагательного *сибирский* см. в статье [Березович, Кривошапова, 2011].

месторождениях» [Николашвили, 2019, 188]]. Действительно, в некоторых случаях атрибутив *уральский* используется, чтобы подчеркнуть региональную специфику камня: например, демантоид с Урала в отличие от подобных камней из других мест имеет включения биссолита (так называемый *конский хвост*), который придает ему дополнительную красоту и своеобразие, поэтому его принято называть *уральский изумруд* (он же *уральский оливин* и *уральский хризолит*) [Буканов, 2012]. Появление оттопонимического прилагательного в составе названий некоторых драгоценных камней, как пишет М. С. Крылаткова, связано с тем, что «часто минералы разных месторождений обладают различными физическими и оптическими качествами, разным оттенком. Поэтому указание на месторождение камня помогает минералогам, ювелирам и коллекционерам сразу же получить основную информацию о минерале и его ценности» [Крылаткова, 2016, 79]. Например, *замбийский изумруд* славится высоким качеством — более высоким, чем у *колумбийского изумруда*, а *колумбийский* обладает голубоватым оттенком в сравнении с *уральским* и *североамериканским*, имеющими желтоватый оттенок [Корнилов, 1987, 104–105].

С другой стороны, атрибутив *уральский*, помимо географической «привязки» камня, может иронически указывать на то, что камень напоминает похожий, но более дорогой минерал, а на самом деле таковым не является (горщики шутливо называют такие камни именами *обманит*, *врунишка* и др. [ЛТЭК]). Например, гордое имя *уральского алмаза* носят горный хрусталь и фенакит: «Фенакит — *уральский алмаз*, очень твердый. Имитация алмаза, но не алмаз, *обманит*» (г. Асбест) [Там же]. Следует отметить, что при создании торговых геммонимов для поделочных камней довольно часто используются наименования дорогих ювелирных «аналогов», к которым добавляется географическое определение, ср. торговое наименование кварца *сибирский алмаз* или турмалина *сибирский рубин* [Куликов, 1982, 23, 106].

Таким образом, у прилагательного *уральский* в составе геммонимов мы можем увидеть следующие значения: 1) ‘о камне, добытом на Урале’, 2) ‘о камне, привезенном из России’, 3) ‘о камне высокого качества, статусном’, 4) ‘о камне, обладающем региональными химико-геологическими особенностями’, 5) ‘об уральском аналоге (более низком по статусу) камня, ставшего знаменитым в каком-либо другом локусе’.

В составе одного из коммерческих геммонимов встречается прилагательное *рифейский*. Речь идет о *рифейском мраморе*, месторождение которого находится в городе Катав-Ивановске Челябинской области: «Несмотря на то что месторождение рифейского мрамора было обнаружено относительно недавно — в 2005 г., этой горной породе уже около двух миллиардов лет. Именно поэтому рифейский мрамор не имеет аналогов в мире. Он назван в честь Рифейских гор, которые многие исследователи отождествляют с Уральскими горами» [Уникальный мрамор...]. Как показывает контекст, атрибутив отсылает к античному названию

северной горной системы, которую отождествляли с Уральскими горами, а также, вероятно, к рифейскому периоду, когда образовалась эта горная порода: считается, что рифейский мрамор достаточно древний. Характерной особенностью этого декоративного камня является рисунок, в котором просматриваются окаменевшие водоросли.

Малахит, родонит (*орлец*), яшма

Следующая часть исследования будет посвящена наименованиям «большой тройки» уральских поделочных камней, в которую входят *малахит*, *яшма* и *родонит (орлец)*¹³. Именно эти три минерала академик А. Е. Ферсмана считал основными представителями цветных камней как Урала, так и России [Ферсман, 1962, 209]¹⁴.

Малахит

Наиболее устойчиво с Уралом ассоциируется, конечно, малахит. Трудно посчитать количество объектов социальной инфраструктуры с названием «*Малахит*», существующих в Свердловской области, — так называются и бассейны, и турфирмы, и школы, и гостиницы, и т. д. Гордое имя «*Малахит*» носит фирменный поезд «Нижний Тагил — Москва». Немаловажную роль в популяризации этого камня (и превращении слова в своеобразный символ) на Урале сыграл П. П. Бажов, написавший сборник сказов «Малахитовая шкатулка» в 1936–1945 гг.¹⁵ В этом контексте стоит упомянуть, что лавки с уральскими сувенирами называются *бажовскими*: «Сувенирку в Екатеринбурге можно найти на любой вкус и возраст: здесь есть и магазины с современными подарками, и традиционные “бажовские” лавки с уральскими камнями и матрешками» [Карабаева, 2018].

Уже в XVIII в. малахит начал экспортироваться и стал считаться не только *уральским*, но и *русским камнем*: «Из России в Европу поступали разнообразные подарки из малахита, который называли *русским камнем*. Примером тому служит богатая коллекция изделий из малахита в Версальском и других дворцах Парижа, где находятся подарки Александра I Наполеону — стол, канделябр и ваза из малахита. В Ватикане Сикстинскую капеллу также украшают канделябры

---

¹³ На данном этапе исследования было решено остановиться только на названиях поделочных камней и пока оставить за скобками имена драгоценных минералов, которые, конечно, тоже добываются на Урале.

¹⁴ Тройка лидеров подтверждается также небольшим опросом, проведенным нами в социальных сетях. Респондентам предлагалось назвать три самых «уральских» камня. 29 человек из 30 назвали *малахит*, 19 человек упомянули *яшму*, а вот третье место «разделили» родонит и змеевик (по шесть голосов).

¹⁵ Одним из узнаваемых символов Екатеринбурга (ранее Свердловска) является фонтан «Каменный цветок» (возведен в 1960 г.) на площади Труда, названный так по заглавию одного из сказов П. П. Бажова.

из уральского малахита» [Буканов, 2012]; «Тут уж в моду вошли крупные, парадные вещи: торжественные дворцовые вазы, торшеры и канделябры, столики и камины. Сочная, радостная зелень малахита очаровала не только обе русские столицы — мода на *уральский камень* захлестнула Париж, Вену, Берлин» (Т. Здорик. Малахитовая шкатулка) [НКРЯ].

Малахит начали использовать как декоративный камень: к концу XVIII в. для него был создан особый вид обработки, благодаря чему появилась такая техника декорирования малахитом, как *русская мозаика* [Куликов, 1982, 87]. Суть ее состоит в том, что «малахитовые куски разрезали на тонкие пластинки и наклеивали их на основу другого, более дешевого камня или на бронзовые листы» [Аринштейн и др., 1986, 100]. Пластинки подбираются по цвету и узору так, чтобы получилось ощущение цельного узорчатого камня.

Первым в русскую камнерезную культуру вошел малахит Гумёшкинского месторождения (г. Полевской), где изначально добывали медную руду, однако малахитовый промысел оказался более прибыльным, нежели медный. В 1772 г. *гумешевским малахитом* заинтересовались в Петербурге, и на А. Турчанинова, тогдашнего владельца рудника, посыпались заказы. К началу XX в. месторождение было выработано, и «славу *гумешевского малахита* затмил зеленый камень с демидовских рудников Нижнего Тагила» [Буканов, 2008, 105]. Малахит из Меднорудянского рудника стали называть *тагильским*¹⁶: «У моего приятеля имеется великолепный образец *тагильского малахита* килограмма на 4, но вот продавать он не намерен, тем паче за смешные деньги» [Хит. Ур., *murza*], а также *демидовским* (нижнетагильские заводы тогда принадлежали братьям Демидовым, Анатолию и Павлу Николаевичам, которые и «раскрутили» каменный промысел и экспорт сырья) [Буканов, 2008, 106], ср. также *нижнетагильский малахит* [Там же, 157]. С этого времени «началась малахитовая эпоха, и *уральский малахит* стал камнем высокого притяжения» [Там же, 107].

К концу XIX в. мода на *русский камень* делает новый поворот — среди уральского купечества становится модным украшать малахитом фасады домов¹⁷. В Нижнем Тагиле, например, этим прославились купец Голованов и золотопромышленник Треухов.

¹⁶Ср. название псевдомалахита *тагилит* — «Минерал, фосфат меди с гидроксидом. Название получил из-за схожести с малахитом, от которого отличается составом и синеватым оттенком» [Хит. Ур., Скиф].

¹⁷В Нижнем Тагиле есть улица *Высокогорская*, которая раньше называлась *Зеленой*. Существует неофициальная версия, согласно которой названа она так в честь тагильского малахита, краской из которого жители улицы (очевидно, зажиточные заводчане) покрывали крыши, защищая их от коррозии. В наши дни «горной зеленью» уже почти никто не пользуется. Малахитовая краска оказалась нестойкой к частым переменам уральской погоды, да и само сырье для ее изготовления давно не добывают в Нижнем Тагиле. Хотя, когда заходит разговор об истории добычи малахита и его использования в нашей стране, почти все в первую очередь вспоминают о Меднорудянском месторождении, открытом в 1814–1823 гг. [Малахитовая история...].

К середине XX в. малахит на Урале пошел на убыль. Уже в 1942 г. П. П. Бажов писал: «С материалом, видишь, вовсе туго стало. Гумешевский рудник, где самолучший малахит добывался, в полном забросе стоял, и отвалы там не по одному разу перебраны были. На Тагильском медном, случалось, находили кусочки, да тоже нечасто. Кому надо, охотились за этими кусочками все едино, как за дорогим зверем» (П. Бажов. Железковы покрышки) [НКРЯ]. Сейчас «настоящий» уральский малахит найти практически невозможно; камень преимущественно привозят на обработку и продажу из Африки, однако среди хиты Урала, горожан и туристов по-прежнему ценится местный минерал: «Петровичу потребовался малахит. Тот малахит, что был воспет сказочником Бажовым, давно уже выбран. На Гумешках его не найти, бывал там Петрович, и не один раз бывал, да находил только примазки этого самого малахита. А в Нижнем Тагиле еще во времена молодости Петровича любой мало-мальский образец можно было только у экскаваторщика купить за литру водки. А теперь уже и отвалы там все перебрали. Ну не *заирский* же малахит племяннику в подарок впаривать, который с виду на пластмассу смахивает и на *настоящий уральский малахит* совсем не походит» [Минералогический форум, Серый].

Опытные продавцы подчеркивают: если в магазине скажут, что перед вами *уральский малахит*, это почти наверняка будет ложью. «Бажовские» лавки с каждым годом теряют это определение — все больше минералов завозят из разных стран. При этом маленькие *уральские камешки* остаются одним из самых популярных товаров. Сейчас в сувенирных лавках вместо *уральского* продается *африканский малахит* — он завезен из Заира [Карабаева, 2018].

Родонит (орлец)

Академик А. Е. Ферсман считал *родонит (орлец)* «вторым камнем, которым может гордиться Урал» [Ферсман, 1954, 30], после *малахита*. В сети Интернет даже встречается такое название родонита, как *птичий малахит* [Родонит], — это сравнение тоже ставит родонит на второе место в «тройке» самоцветов. Появление в названии прилагательного *птичий* связано с представлениями о том, что орлы уносят камни родонита в свои гнезда (см. об этом далее).

Основное месторождение этого минерала находится у д. Малое Седельниково в Сысертском районе Свердловской области — соответствующий ойконом мотивирует неофициальный геммоним *седельниковский орлец* [Хит. Ур., Бородинский; Ametist]. Достаточно устойчивы словосочетания *уральский родонит* и *уральский орлец* [Буканов, 2008, 307], что имеет объективную причину: «Малоседельниковское месторождение больше 150 лет было единственным в России разрабатываемым месторождением поделочного родонита. История *уральского орлеца* — это во многом его история» [Брусницын, 2000, 9]. Однако в случае с этим минералом основную ответственность за формирование «каменной» символики берет на себя не оттопонимическое прилагательное в составе геммонима,

а его номенклатурное название *родонит* и неофициальное *орлец*, обладающие осязательным народноэтимологическим и образным потенциалом.

В историческом центре Екатеринбурга лежит глыба из орлеца-родонита, о которой экскурсоводы рассказывают так:

Родонит — гордость города. Издавна здесь делали чудеса из этого камня. И вот привезли родонитовую глыбу, положили на Плотинке¹⁸ — и стал этот орлец тем самым камнем-амулетом, который способствует тому, чтоб город вырос большой и сильный. Так же, как орлец в колыбельке младенца способствует тому, что ребенок в будущем станет большой и сильный, как орел (Екатеринбург) [ЛТЭК].

В статье, посвященной происхождению рус. *орлец*, Е. Л. Березович пишет, что «родонит на Среднем Урале — символически нагруженный камень, имеющий в первую очередь символику плодородия» [Березович, *в печати*], что, очевидно, связано с аттракцией *родонит* к *родить*, *роды*, ср. контекст: «Его на Урале в люльку ребенку подкладывали. Чтобы рос. А почему? Потому что *родонит* — как бы на слово *роды* похоже. А еще на слово *родина*. Клади, чтоб ребенок хорошо рос» (с. Кайгородское) [ЛТЭК]. С другой стороны, народное языковое сознание связывает название камня *орлец* со орнитонимом *орел*, что объясняется тем, что орлы якобы уносят камни в свои гнезда. Эта версия, как доказывается в упомянутой статье, является народноэтимологической, но она верно указывает на то, что производящая основа здесь — слово *орел*, а мотивация названия в широком смысле мифологическая [см.: Березович, *в печати*].

Розовый камень на Плотинке — это и символ подземных богатств края, и сердце Екатеринбурга. Он и похож на сердце. К нему приходят молодые в день свадьбы — чтоб жить счастливо, чтоб в семье были дети (Екатеринбург) [ЛТЭК].

Этот же камень горожане именуют *Камнем Любви*:

Большой камень Родонит (или Камень Любви) на Плотинке в Историческом сквере. Эту весящую не одну тонну розоватую глыбу камня родонита из Седельниковского месторождения на Урале, размещенную на Плотинке в 1960-е гг., горожане именуют не иначе, как Камнем Любви. Характерный цвет родонита (от греч. *ρόδον* ‘роза’) обусловлен обилием в нем марганца. Камень Любви — признанный всеми своеобразный символ Екатеринбурга. Особенно почитаем Камень Любви представителями молодого поколения. Среди местной молодежи существует поверье, что влюбленная пара, прикоснувшись к глыбе, обязательно создаст крепкую, счастливую семью и обзаведется здоровыми детьми. Паломничество юношей и девушек к этому объекту на Плотинке возникло с момента установки глыбы и не утихает по сегодняшний день. Еще бы, ведь, по стойкому убеждению романтических екатеринбуржцев, именно в этом месте сконцентрирована волшебная сила истинной любви [Большой камень Родонит...].

¹⁸ *Плотинкой* жители Екатеринбурга называют плотину городского пруда на р. Исеть, а также прилегающую территорию Исторического сквера — излюбленного места отдыха горожан.

Думается, появление любовной символики родонита связано с розовым цветом минерала и формой глыбы — считается, что она напоминает сердце.

Яшма

Если уральский малахит можно считать «уходящей» уральской «натурой», то яшма по масштабу ее использования в ювелирном и камнерезном деле может претендовать на статус национального камня: сегодня ее называют *русской*¹⁹ [Куликов, 1982, 139]. Действительно, этот поделочный камень часто встречается на самых разных территориях, но все-таки особенно богаты яшмами Урал и Алтай: «Яшма, подобно малахиту и орлецу, является типичным русским цветным камнем, и Россия может гордиться своими яшмовыми месторождениями на Южном Урале и на Алтае» [Ферсман, 1962, 209]. Это мнение А. Е. Ферсмана поддерживают современные специалисты по минералогии, ср.: «Многоцветье уральской и алтайской яшмы широко представлено в многочисленных наборных столешницах Эрмитажа» [Буканов, 2012]. В. М. Севергин говорил о яшме как о «главной горной породе Урала» [Севергин, 1809, 8]. Наиболее крупные уральские месторождения яшмы расположены на юге региона: «месторождения неоднородных яшм Челябинской области и Башкортостана (на юг от г. Миасса полоса ~ 500 км, шириною ~ 45–50 км) определяются как *Яшмовый меридиан Урала*» [Рупосова, 2016, 226].

Уральские яшмы (их около 150 видов) традиционно называют по месту залегания / добычи: по названию горы с яшмовым месторождением, ср. *ириндыкская яшма* (< г. *Ириндык*, Республика Башкортостан), по населенному пункту, рядом с которым был обнаружен минерал, — *мансуровская яшма* (< д. *Мансурово*, Учалинский р-н, Республика Башкортостан), по реке — *уйская яшма* (< р. *Уй*, с. *Тунгатарово*, Республика Башкортостан), по озеру — *чебачок* (< оз. *Чебачье*, Челябинская обл.), по административному району — *учалинская яшма* (< *Учалинский* р-н Республики Башкортостан). Иногда возникают дублетные названия одного вида яшмы, ср., например, стар. (с 1756 г.) *кошкульдинская* (< б. д. *Большие Кошкульды*, Учалинский р-н, Республика Башкортостан) — нов. *Наурузовская* (< с. *Наурузово*, Учалинский р-н, Республика Башкортостан). Таким образом, оттопонимических обозначений яшм очень много. Позволим себе для полноты картины привести отрывок из книги В. Б. Семенова «Яшма. Jasper» и пассаж о яшме из «Словаря камней-самоцветов» Б. Ф. Куликова:

¹⁹ Яшму называют не только *русской*. За одним из видов уральской яшмы закрепилось название *сибирская ленточная*, она же *кошкульдинская* (< б. д. *Большие Кошкульды*). «Она стала одной из первых российских известна в Европе и получила во Франции это название, а в обработанном виде – *pierres d' allianes* – “альянсовый камень, союзный камень”, что вернулось в русский язык в форме словосочетания *союзная яшма* с учетом окраски из зеленых и красных полос и лент» [Рупосова, 2016, 228].

Наибольшая достопримечательность яшмового пояса Урала — восемь яшм: пестроцветные орские и уразовские; однотонная серо-зеленоватая калканская; ленточная кошкульдинская, не имеющая себе подобных красивыми контрастными сочетаниями тонких зеленых, темно- и ярко-красных и густо-малиновых полос; струйчатая ямская палевого и темно-вишневого цвета, называемая союзною; ленточная маломуйнаковская с красивым струйчатым рисунком широких палевых и нежнозеленых лент, прозванная коломенчатою; дендритовая, или ландшафтная аушкульская яшма палевого тона с черными или коричневатыми древесными изображениями; наконец, багряноцветная беркутинская [Семенов, 1979, 11];

На Урале различают [яшму] по месту нахождения: мулдакаевскую — со струйчатым, облачным волнистым рисунком разных оттенков зеленого цвета; глинскую — серую или розовато-фиолетовую; мостовскую — темно-красную; белоагатинскую — кроваво-красную; аушкульскую или байрамгуловскую — палевую светло-желтую, серо-желтую, желтовато-белую с черными дендритами окислов марганца или органического вещества; кедровскую — желто-зеленую; калканскую — серо-зеленую без рисунка, сплошного ровного тона, а также стально-серую, серо-голубую или зеленую; узаевскую (уразовскую) — мясо-красную с белыми пятнами и прожилками, также называемую «мясным агатом»; муйнаковскую — фиолетово-красную; сафаровскую — однотонную телесного цвета, темно-зеленую или сургучную; янгельскую — белую с красными пятнами; кувандыкскую, беркутинскую — ленточную с раздувами и пережимами слоев буро-красных, зеленых, мясо-красных, палевых, черных; калиновскую — пестроцветную, с чрезвычайно большим разнообразием рисунков и окрасок; кошкульдинскую — ленточную с чередованием темно-красных и темно-зеленых или ярко-зеленых слоев, а также буро-красную или желтую; ямскую или маломуйнаковскую (также античную) — полосчатую с чередованием зеленовато-желтых или зеленовато-бурых и буро-красных слоев с волнистым переливчатым рисунком; орскую (или горы Полковник) — пестроцветную с наиболее разнообразным рисунком, образованным полосами или участками неправильной формы желтого, бурого, розового, красного, ярко-зеленого, серо-зеленого, черного цвета с белыми, красными и черными прожилками; большинство «пейзажных», «фортификационных» яшм с причудливым рисунком относится к орским яшмам; тунгатаровскую — полосчатую или пеструю зеленых тонов, иногда просвечивающую; николаевскую — желто-бурую с неясным рисунком, создаваемым постепенными переходами светлых и темных оттенков. Этими разновидностями перечень уральских яшм далеко не исчерпывается, разнообразие их бесконечно [Куликов, 1982, 138].

Приведенный материал показывает, что оттопонимический атрибутив не только играет в составе неофициального геммонима роль географического классификатора, но и может указывать на другие свойства камня (например, расцветку)²⁰. Из-за этого точно определить состав геммонима довольно сложно. По мнению Б. Ф. Куликова, географические названия яшм «требуют указания

²⁰ Подробное изучение моделей номинации яшм требует отдельного исследования и на данный момент в наши задачи не входит.

на цвет и рисунок» [Куликов, 1982, 138]. Действительно, некоторые исследователи (в основном не лингвисты) включают в «яшмоним» не только оттопонимическое прилагательное (*орская яшма*), но и атрибутив, указывающий на цвет, узор или рисунчатость яшмы (*багряноцветная беркутинская, тунгаровская полосчатая, ландшафтная аушкульская*), — так поступают, в частности, Л. П. Рупосова [2016] и В. В. Буканов [2012], однако сказать, что это делается последовательно, мы не можем.

Очевидно, что функция большинства подобных геммонимов — привязка к местности, однако некоторые из них, обозначающие наиболее популярные сорта яшм, более частотны, попадают в оценочные контексты и даже лексикализуются.

По мнению многих любителей камня, «королевой» среди всех видов является *орская яшма* с горы Полковник [Хит. Ур., Рафаэль], или *орско-полковничья* [Хит. Ур., Бородинский]. Она была открыта первой из уральских яшм в 1751 г., и самое известное ее месторождение находится на левом берегу Ори, недалеко от города Орска. Здесь до сих пор находят «глыбы *красной орской яшмы*, представленной разновидностями разной окраски и текстуры — от однотонной, полосчатой, пейзажной до пестроцветной» [Буканов, 2012]. «Наибольшей известностью и популярностью в настоящее время пользуются южноуральские пестроцветные и пейзажные яшмы месторождения “Гора Полковник” близ Орска (“орская яшма”). Она используется главным образом как поделочный камень для изготовления шкатулок, пепельниц, письменных приборов, подсвечников, часов, шаров, пейзажных картин, реже — в виде вставок в недорогих ювелирных изделиях» (Е. Ляшенко, О. Тюльпакова. Камень Ветхого Завета) [НКРЯ].

Орская яшма считается «пейзажной» и является камнем высокой декоративности. В 1939 г. по заказу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки из орской яшмы был сделан герб СССР массой 300 кг, а несколько позже — гербы одиннадцати республик. Эти гербы находятся на хранении в музее им. Н. Ф. Чернышева в Санкт-Петербурге. Две парные вазы из орской яшмы с расцветкой, напоминающей осеннюю листву, украшают парадную лестницу Государственного Эрмитажа.

Второй по популярности считается «знаменитая *уразовская яшма*²¹, найденная в районе оз. Чебаркуль и по р. Санарке, а затем — на горе Сарбаташ, у д. Уразово» [Буканов, 2012]. Это «та самая *уразовская яшма*, что более известна под именем “*великолепного мясного агата*”» [Семенов, 1979, 18], названная так за сходство с куском мяса, — красная яшма с большим количеством белых кварцевых прожилков и бесформенных включений.

Отдельно следует упомянуть *пестроцветную калиновскую яшму*, месторождение которой расположено к северу от Орска — в Гайском районе Оренбургской области. Именно эта яшма получила разговорное название

---

²¹ Ср. жаргонное название этого камня — *ураз*: «Самые полируемые — *калкан* и *ураз*» [Хит. Ур., Рафаэль].

калиновка — по пос. Калиновка, у которого находится Калиновское месторождение, где и залегают глыбы этой яшмы: «Несколько лет назад гайцы из конторы “Данила-мастер”, когда-то активно добывавшие *калиновку*, поцапались друг с другом и накапали в органы. Кончилось тем, что теперь никто не добывает» [Минералогический форум, Ветеран]. Ассоциативная связь названия пос. *Калиновка* с обозначением яшмы довольно устойчивая и даже обыгрывается в присловье «Свадьба в Малиновке»²², а яшма в Калиновке» (пос. Нейво-Шайтанский) [ЛТЭК]. Высококачественной считается темно-зеленая *калканская яшма*²³ (< оз. *Калкан*):

В 1756 г. у подножия горы Сабинды на берегу красивого южноуральского озера Калкан каменотесец Иван Красавин заложил первый шурф для добычи «голубова яшмового камня с синими прожилками». Началась история знаменитой калканской яшмы. Она имела тончайшие переходы сине-зеленых оттенков. От сдержанных густо-болотных тонов к торжественному зелено-стальному. Зелено-голубо-серых яшм на Урале много. Калканская выделяется среди них значительными размерами монолитов. Поэтому из нее делали крупные формы: вазы,obelisks. Калканские вазы украшают Зимний дворец [Мосин, Никольский, 2008].

Предварительные итоги

В качестве лингвистической репрезентации уральского каменного бренда была рассмотрена минералогическая лексика, в основном названия поделочных камней, имеющие в своем составе оттопонимические прилагательные (реже — собственно топонимы, получившие вторичные значения). Кроме того, к анализу привлекались контексты (как правило, имеющие некоторую аксиологическую нагрузку), в которых фигурируют подобные конструкции.

В изучаемом материале особенно выделяются геммонимы с компонентом *уральский*: чаще всего это коммерческие названия минералов, а также имена собственные отдельных драгоценных камней или самородков золота. Неофициальные торговые названия камней с прилагательным *уральский*, во-первых, транслируют региональный м а к р о б р е н д, во-вторых, прагматически ориентированы на внешнего адресата (заграничного покупателя), для которого *уральский камень* является прежде всего русской торговой маркой и гарантом высокого качества. Однако прилагательное *уральский* может также иронически указывать на то, что камень напоминает похожий более дорогой минерал (ассоциативно связанный с другими территориями), но на самом деле таковым не является, ср. *уральский алмаз* ‘фенакит’.

В качестве устойчивого культурного бренда выступает словосочетание *уральские самоцветы* ставшее именем собственным («*Уральские самоцветы*» — гранильная

²² Имеется в виду кинокомедия «Свадьба в Малиновке» (1967).

²³ Ср. жарг. *калкан*: «Самые полируемые — *калкан* и *ураз*» [Хит. Ур., Рафаэль].

фабрика в Екатеринбурге), а также *уральские камни*, зафиксированное в словарях литературного языка.

Среди минералов была выделена тройка наиболее узнаваемых лидеров — малахит, родонит и яшма. Говоря об этих лингвокультурных символах, м и к р о б р е н д а х, следует отметить, что они географически распределены по территории Урала. Так, за Екатеринбургом в большей степени «закреплен» родонит, а за Нижним Тагилом — малахит: «Родонит для Екатеринбурга — как малахит для Нижнего Тагила. Главный камень» (с. Кайгородское) [ЛТЭК]; «Слышали на какой-то экскурсии еще версию о том, что *родонит* — от слов *роды* (потому в люльки кладут), *родина* (потому считают символом именно Екатеринбурга: в Нижнем Тагиле мастера больше по малахиту, а в Екатеринбурге — по родониту)» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Яшма ввиду широкого географического распространения (*русская яшма, алтайская яшма, сибирская яшма, уральская яшма*) не имеет «точечной» привязки²⁴, но, например, считается, что *орская яшма* является брендом Оренбургской области: «Орская яшма давно стала брендом Оренбургской области. Ее по праву считают одной из лучших в мире. <...> С сожалением мой собеседник говорит о том, что сегодня башкирская яшма наступает на пятки орскому бренду. Несмотря на то что с яшмой горы Полковник очень сложно конкурировать по красоте, в соседней Башкирии появляется все больше мастеров, работающих с камнем» [Светушкова, 2019]. Вместе с тем яшма «отвечает» за локальные южноуральские бренды, ср., например, *учаловка* (< *Учалинский р-н, Республика Башкортостан*), *чебачок* (< оз. *Чебачье, Челябинская область*) и др.

Любопытно отметить, что современные хитники, размышляя о критериях брендовости камня, учитывают не только соотношение цены и качества современного «товара», но и испытывают некоторую ностальгию по старому, исторически сложившемуся бренду, который, к сожалению, часто уже не поддерживается реальной добычей уникальных уральских самоцветов. Позволим себе в финале привести рассуждение одного из современных старателей о природе уральского каменного бренда:

Бренд подразумевает высокие цены только при высоком качестве. Если качество низкое, то это уже не бренд. И про высокие цены говорить бессмысленно. Уральский каменный бренд появился именно на хороших качественных образцах в старые добрые времена. И уж если нет хороших образцов сейчас, то лучше и не пытаться продавать обломки под этим брендом и запрашивать большие цены. А то в итоге не только хороших уральских камней уже не будет, но и старого уральского бренда. Репутация зарабатывается долго и нудно, а теряется очень быстро. И синонимом уральского камня могут стать обычные обломки кристаллов, которых много и на других месторождениях [Хит. Ур., Snow].

²⁴ Впрочем, следует упомянуть *екатеринбургскую яшму* с темно-оливковыми полосами [Маляхов, 1987].

В целом можно сделать вывод о том, что названия уральских минералов до сих пор остаются важной составляющей лингвокультурного бренда региона, несмотря на постепенное угасание промысла по добыче поделочных камней. Необходимо также отметить, что в зону нашего внимания пока не попали названия уральских драгоценных камней, которые, несомненно, являются важной составляющей территориального бренда и нуждаются в отдельном исследовании.

Источники

- БАС — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
- Большой камень Родонит на Плотинке в Историческом сквере // HobbySalon.ru. URL: <https://www.hobbysalon.ru/russia/sverdlovskaya-oblast/ekaterinburg/rodonit-kamen-lyubvi-na-plotinke>
- Карабаева С. «Бажовский» малахит из Африки, «Исеть» из Китая. Как весь мир работает на сувенирную индустрию Урала // Моменты : агентство ярких новостей. Дата публ.: 26.01.2018. URL: <https://momenty.org/city/i180924/>
- ЛТЭК — лексика, топонимия, этнография камня (картотека, хранящаяся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Малахитовая история: тагильские крыши и царские хоромы // Между строк. Дата публ.: 23.03.2019. URL: <https://mstrok.ru/news/malahitovaya-istoriya-tagilskie-kryshi-i-carskie-horomy>
- Минералогический форум. URL: <https://mineralforum.ru>
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru
- Родонит: легенды и быль о «птичьем малахите» // Таинственный Урал. Дата публ.: 22.10.2017. URL: <https://zen.yandex.ru/media/tainyurala/rodonit-legendy-i-byl-o-ptichem-malahite-59ec43ee79885e817b721336>
- Светушкова Л. Дары горы Полковник: чем уникальна и знаменита орская яшма // Орская газета. Дата публ.: 04.07.2019. URL: <https://ria56.ru/posts/dary-gory-polkovnik-chem-unikalna-i-znamenita-orstkaya-yashma.htm>
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- Уникальный мрамор из Катав-Ивановска будут поставлять в Египет // Правительство Челябинской области : [офиц. сайт]. Дата публ.: 09.12.2019. URL: <https://pravmin74.ru/novosti/unikalnyu-mramor-iz-katav-ivanovska-budut-postavlyat-v-egipet-55005>
- Хит. Ур. — Хита Урала. Форум. URL: <http://форум.хитник.рф>

Исследования

- Аринштейн М., Мельников Е., Шакинко И. Цветные камни Урала. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.
- Березович Е. Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). В печати.
- Березович Е. Л. Локальная история «слова и вещи» в широком контексте: к происхождению рус. орлец 'родонит'. В печати.
- Березович Е. Л., Кабакова Г. А. Россия и Франция: диалог языковых стереотипов // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 9–69.

- Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // *Пространство и время в языке и культуре* / под ред. С. М. Толстой, Т. А. Агапкиной. М. : Индрик, 2011. С. 110–157.
- Брусицын А. И.* Родонитовые месторождения Среднего Урала (минералогия и генезис). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000.
- Буканов В. В.* Цветные камни. СПб. : Ottawa Book Printing Ltd, 2008.
- Буканов В. В.* Цветные камни : энциклопедия. 2012. URL: <http://gems.minsoc.ru>
- Бурыкин А. А.* *Курский соловей, арзамасские гуси, тамбовский волк* (к истории региолектных идентифицирующих символов и идиоматики) // *Диалектная лексика* / под ред. О. Н. Крыловой, С. А. Мызникова. СПб. : ИЛИ РАН, 2016. С. 66–88.
- Голомидова М. В.* Названия золотых приисков Урала как часть культурного капитала территории: лингвокультурологический аспект // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2015. Т. 21. № 2. С. 101–104.
- Емлин Э. Ф.* Империя уральских самоцветов: от рассвета до заката // *Известия государственного горного университета*. 2004. Вып. 19. С. 56–67.
- Клочкова Ю. В.* Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII — начало XX в.): дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2006.
- Корнилов Н. И.* Ювелирные камни. М. : Недра, 1987.
- Крылаткова М. С.* Названия ювелирных и поделочных камней в словообразовательном и ономазиологическом аспекте (на материале русского, английского и французского языков) : дис. ... магистра филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.
- Куликов Б. Ф.* *Словарь камней-самоцветов*. Л. : Недра, 1982.
- Малахов А. А.* *Подземный пароль*. Свердловск, 1987. *Рукопись*.
- Матвеев А. К.* Вершины Каменного пояса: Названия гор Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990.
- Мосин В. С., Никольский В. Ю.* Яшмы Северного Урала. Открытия уральского камня // Мосин В. С., Никольский В. Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-9-37-kremeni-yashma/1.htm>
- Николашвили М. Н.* Названия драгоценных камней в русском языке XI–XXI веков. М. : Спутник, 2015.
- Николашвили М. Н.* Торговые названия ювелирного камня как бренд ювелирного изделия // *Текст в языковом, историческом, философском пространстве* : сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Никульцева. М. : МЮФА, 2019. С. 185–188.
- Пыляев М. И.* Драгоценные камни, их свойства, местонахождение и применение. М. : Совместное советско-австрийское предприятие «Х.Г.С.», 1990.
- Рупосова Л. П.* Лингвистические характеристики названий яшм Южного Урала // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации* : сб. науч. тр. Вып. 4 : Итоги Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д. ф. н., проф. К. А. Войловой (Москва, 25 февраля 2016 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова. М. : ИИУ МГОУ, 2016. С. 226–235.
- Севергин В. М.* Опыт минералогического описания Российского государства : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : При Имп. АН, 1809.
- Семенов В. Б.* Яшма / *Jasper*. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979.
- Трепавлов В. В.* Урал и Сибирь: образы и стереотипы // *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.)* / под ред. В. В. Трепавлова. Тула : Гриф и К, 2011. С. 38–53.
- Ферсман А. Е.* *Очерки по истории камня* : в 2 т. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1954.
- Ферсман А. Е.* Драгоценные и цветные камни СССР // *Ферсман А. Е. Избранные труды*. Т. 7. М. : Изд-во АН СССР, 1962.

СОКРАЩЕНИЯ

б. д.	бывшая деревня
жарг.	жаргонный
стар.	старый

* * *

Кривошчапова Юлия Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии
Специализированный учебно-научный центр,
Уральский федеральный университет
(СУНЦ УрФУ)
620137, Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30
старший научный сотрудник, заведующая
топонимической лаборатории кафедры
русского языка, общего языкознания и речевой
коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306
E-mail: insekt@yandex.ru

Krivoshchapova, Julia Aleksandrovna

PhD, Associate Professor
Department of Philology
Advanced Educational Scientific Center,
Ural Federal University
30, Danila Zverev St.,
620137 Ekaterinburg, Russia
Senior Researcher, Head of the Toponymic
Laboratory of the Department of Russian
Language, General Linguistics and Verbal
Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306,
620000 Ekaterinburg, Russia
Email: insekt@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3096-708X

Julia A. Krivoshchapova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

STONE NAMES: A LINGUOCULTURAL SYMBOL OF THE URALS

The paper examines the names of ornamental stones (gemmonyms) in terms of linguo-cultural branding of the Ural region. The analysis focuses on mineralogical vocabulary outside the official nomenclature, for the most part, these are gemmonyms containing toponymy-derived adjectives (*Gumshesky malachite*, *Urazov jasper*, *Sedelnikovsky orlets*). Another objective relates to studying the axiological contexts of usage of such names. The author deals with the three most recognizable Ural ornamental stones: malachite, rhodonite (*orlets*) and jasper. It turns out that the linguo-cultural symbols (regional micro-brands) behind these minerals are geographically distributed across the Urals. *Uralsky rodonit* (Ural rhodonite) mostly associates with Ekaterinburg, and *Tagil malachite* refers to Nizhny Tagil. Jasper does not seem to have a particular reference point due to its wide geographical distribution, but typically it stands for local South Ural brands. For instance, it is believed that *orskaya yashma* 'Orsk jasper' (< *Orsk*) is a brand of the Orenburg region. The names of stones with the element *uralsky* constitute

a specific group of names which, according to the author, works as a well-settled cultural macro-brand. Primarily, this refers to the *uralskiye samotsvety* ‘Ural gems’ collocation which has become a proper name of a lapidary factory in Ekaterinburg, as well as *uralskiye kamni* ‘Ural stones,’ a set phrase long included in dictionaries of standard Russian. A special class of Ural gemonyms is represented by commercial names created artificially to make the product more saleable (cf. *uralsky izumrud* ‘Ural emerald’ as a trade designation of demantoid). It is noted that such names of stones are aimed at foreign customers, for whom the *Ural stone* is a Russian trademark and a quality assurance. At the same time, the attribute *uralsky* can ironically indicate that the stone only resembles a similar more expensive mineral, which, in fact, it is not (cf. *uralsky almaz* ‘Ural diamond’ that stands for ‘phenakite’).

Key words: Urals, territorial brand, linguo-cultural symbol, gemonyms, derivatives of place names, motivational analysis, semantic pattern.

Acknowledgements

The study was carried out in the framework of the project “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies” funded by the Ministry of Science and Higher Education of Russia (project number FEUZ-2020-0056).

- Arinstein, M., Melnikov, E., & Shakinko, I. (1986). *Tsvetnye kamni Urala* [Colored Stones of the Urals]. Sverdlovsk: Sredneural. kn. izd-vo.
- Berezovich, E. L. (2020, In print). K izucheniiu nonstandartnoi leksiki kamnia v russkom iazyke: postanovka voprosa [To the Study of Non-Standard Mineral Vocabulary in the Russian Language: Invitational Paper]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202).
- Berezovich, E. L. (In print). Lokal'naia istoriia “slova i veshchi” v shirokom kontekste: k proiskhozhdeniiu rus. orlets ‘rhodonit’ [The Local History of “Words and Things” in a Broad Context: to the Origin of Russian *Orlets* ‘Rhodonite’].
- Berezovich, E. L., & Kabakova, G. A. (2015). Rossiia i Frantsiia: dialog iazykovykh stereotipov [Russia and France: Dialogue of Language Stereotypes]. *Antropologicheskii forum*, 27, 9–69.
- Berezovich, E. L., & Krivoshchapova, Ju. A. (2011). *Sibir*’ v russkoi yazykovoii traditsii (na inoiazychnom fone) [*Siberia* in the Russian Language Tradition (As Compared to Other Languages)]. In S. M. Tolstaya, & T. A. Agapkina (Eds.), *Prostranstvo i vremia v iazyke i kul'ture* [Space and Time in Language and Culture] (pp. 110–157). Moscow: Indrik.
- Brunitsyn, A. I. (2000). *Rodonitovye mestorozhdeniia Srednego Urala (mineralogiia i genezis)* [Rhodonite Deposits of the Middle Urals (Mineralogy and Genesis)]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Bukanov, V. V. (2008). *Tsvetnye kamni* [Colored Stones]. St Petersburg: Ottawa Book Printing Ltd.
- Bukanov, V. V. (2012). *Tsvetnye kamni: entsiklopediia* [Colored Stones: An Encyclopedia]. Retrieved from <http://gems.minsoc.ru>
- Burykin, A. A. (2016). *Kurskii solovei, arzamasskie gusi, tambovskii volk* (k istorii regiolektnykh identifikatsionnykh simbolov i idiomatiki) [*Kursk nightingale, Arzamas geese, Tambov wolf* (on the History of Regiolect Identification Symbols and Idioms)]. In O. N. Krylova, & S. A. Myznikov (Eds.), *Dialektnaia leksika* [Dialect Vocabulary] (pp. 66–88). St Petersburg: ILI RAN.
- Emlin, E. F. (2004). Imperiia ural'skikh samotsvetov: ot rassveta do zakata [The Empire of Ural Gems: from Dawn to Dusk]. *Izvestiia gosudarstvennogo gornogo universiteta*, 19, 56–67.
- Fersman, A. E. (1954). *Ocherki po istorii kamnia* [Essays on the History of Stone] (Vol. 1). Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Fersman, A. E. (1962). Dragotsennye i tsvetnye kamni SSSR [Precious and Colored Stones of the USSR]. In A. E. Fersman, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 7). Moscow: Izd-vo AN SSSR.

- Golomidova, M. V. (2015). Nazvaniia zolotykh priiskov Urala kak chast' kul'turnogo kapitala territorii: lingvokul'turologicheskii aspekt [The Names of Gold Mines of the Urals as Part of the Cultural Heritage: Linguocultural Aspect]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 21(2), 101–104.
- Klochkova, Yu. V. (2006). *Obraz Ekaterinburga / Sverdlovsk v russkoi literature (XVIII — nachalo XX v.)* [The Image of Ekaterinburg / Sverdlovsk in Russian Literature (18th — Early 20th Century)] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Kornilov, N. I. (1987). *Iuvelirnye kamni* [Jewelry Stones]. Moscow: Nedra.
- Krylatkova, M. S. (2016). *Nazvaniia iuvelirnykh i podelochnykh kamnei v slovoobrazovatel'nom i onomasiologicheskom aspekte (na materiale russkogo, angliiskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Names of Jewelry and Ornamental Stones in the Word-formation and Onomasiological Aspects (Based on Russian, English and French material)] (M.A. thesis). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Kulikov, B. F. (1982). *Slovar' kamnei-samotsvetov* [Dictionary of Gemstones]. Leningrad: Nedra.
- Malakhov, A. A. (1987). *Podzemnyi parol'* [Underground Password] (unpublished manuscript). Sverdlovsk: [s.n.].
- Matveyev, A. K. (1990). *Vershiny Kamennogo poiasa: Nazvaniia gor Urala* [Peaks of the Stone Belt: Names of the Ural Mountains] (2nd ed.). Chelyabinsk: Iuzh.-Ural. kn. izd-vo.
- Mosin, V. S., & Nikol'sky, V. Yu. (2008). Iashmy Severnogo Urala. Otkrytiia ural'skogo kamnia [Jasper of the Northern Urals. Discoveries of the Ural Stone]. In V. S. Mosin, & V. Yu. Nikol'sky, *Kremen' i iashma v material'noi kul'ture naseleniia kamennogo veka Iuzhnogo Urala* [Flint and Jasper in the Material Culture of the Stone Age Population of the Southern Urals]. Ekaterinburg: UrO RAN. Retrieved from <http://www.bibliotekar.ru/2-9-37-kremen-i-yashma/1.htm>
- Nikolashvili, M. N. (2015). *Nazvaniia dragotsennykh kamnei v russkom yazyke XI–XXI vekov* [Names of Precious Stones in the 11th–21st Centuries Russian Language]. Moscow: Sputnik.
- Nikolashvili, M. N. (2019). Torgovye nazvaniia iuvelirnogo kamnia kak brend iuvelirnogo izdeliia [Trade Names of Gemstones as Jewelry Brands]. In V. V. Nikultseva (Ed.), *Tekst v iazykovom, istoricheskom, filosofskom prostranstve: sb. nauch. tr.* [Text in Linguistic, Historical, Philosophical Space: Collected Papers] (pp. 185–188). Moscow: MiuFA.
- Pyliayev, M. I. (1990). *Dragotsennyye kamni, ikh svoistva, mestonakhozhdenie i primenenie* [Precious Stones, their Properties, Location and Use]. Moscow: Sovmestnoe sovetsko-avstriiskoe predpriatie «Kh.G.S.».
- Ruposova, L. P. (2016). Lingvisticheskie kharakteristiki nazvaniia iashm Iuzhnogo Urala [Linguistic Features of the Name of Jasper in the Southern Urals]. In O. V. Shatalova (Ed.), *Russkii iazyk v slavianskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: Collected Papers] (Iss. 4, pp. 226–235). Moscow: IIU MGOU.
- Semenov, V. B. (1979). *Iashma / Jasper* [Jasper]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
- Severgin, V. M. (1809). *Opyt mineralogicheskogo opisaniia Rossiiskogo gosudarstva* [Towards a Mineralogical Description of the Russian State] (Iss. 1). St Petersburg: Pri Imp. AN.
- Trepavlov, V. V. (2011). Ural i Sibir': obrazy i stereotypy [Urals and Siberia: Images and Stereotypes]. In V. V. Trepavlov (Ed.), *Obrazy regionov v obshchestvennom soznanii i kul'ture Rossii (XVII–XIX vv.)* [Images of Regions in Public Perception and the Culture of Russia (17th–20th Centuries)] (pp. 38–53). Tula: Grif i K.